

СОВЕТСКИЙ СЪЕЗД И ИЮНЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Первый съезд советов, давший Керенскому санкцию на наступление, собрался 3 июня в Петрограде в здании кадетского корпуса. Всего на съезде было 820 делегатов с решающим голосом и 268 с совещательным. Они представляли 305 местных советов, 53 районных и областных, организации фронта, тыловые учреждения армии и некоторые крестьянские организации. Правом на решающий голос пользовались советы, объединяющие не меньше 25 тысяч человек. Советы, объединяющие от 10 до 25 тысяч, пользовались совещательным голосом. На основании этих норм, которые вряд ли, впрочем, строго соблюдались, можно предположить, что за съездом стояло свыше 20 миллионов человек. Из 777 делегатов, давших сведения о своей партийной принадлежности, эсеров было 285, меньшевиков -- 248, большевиков -- 105; далее следовали менее значительные группы. Левое крыло, т. е. большевики вместе с примыкающими к ним интернационалистами, составляло менее 1/5 делегатов. Съезд состоял в большинстве своем из людей, которые в марте записались в социалисты, а к июню успели устать от революции. Петроград должен был казаться им городом бесноватых.

Съезд начал с одобрения высылки Гримма, плачевного швейцарского социалиста, пытавшегося спасти русскую революцию и германскую социал-демократию путем закулисных переговоров с дипломатией Гогенцоллерна. Требование левого крыла немедленно обсудить вопрос о готовящемся наступлении было отвергнуто подавляющим большинством. Большевики выглядели маленькой кучкой. Но в этот самый день и, быть может, час конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда приняла, тоже подавляющим большинством, резолюцию о том, что спасти страну может только власть советов.

Соглашатели, как ни были они близоруки, не могли не видеть того, что повседневно совершалось вокруг. Ненавистник большевиков Либер, очевидно под влиянием провинциалов, обличал в заседании 4 июня негодных правительственных комиссаров, которым на местах не хотят давать власти. "Целый ряд функций правительственных органов в силу таких обстоятельств переходил в руки советов даже тогда, когда они этого не желали". Эти люди жаловались кому-то на самих себя.

Один из делегатов, педагог, рассказал на съезде, что за четыре месяца революции в области народного просвещения не произошло ни малейших изменений. Все старые учителя, инспектора, директорат, попечители округов, нередко бывшие члены черносотенных организаций, все прежние школьные планы, реакционные учебники, даже старые товарищи министра безмятежно остаются на своих местах. Только царские портреты вынесены на чердак, но в любой момент могут быть водружены на место.

Съезд не решался поднять руку на Государственную думу и на Государственный совет. Свою застенчивость перед реакцией меньшевистский оратор Богданов прикрывал тем, что Дума и совет -- "это все равно мертвые, несуществующие учреждения". Мартов, со свойственным

ему полемическим остроумием, ответил: "Богданов предлагает признать Думу несуществующей, но не посягать на ее существование".

Съезд, несмотря на столь прочное правительственное большинство, проходил в атмосфере тревоги и неуверенности. Патриотизм отсырел и давал лишь ленивые вспышки. Было ясно, что массы недовольны и что большевики в стране, особенно в столице, неизмеримо сильнее, чем на съезде. Сведенный к своей первооснове спор между большевиками и соглашателями неизменно вращался вокруг вопроса: с кем идти демократии, с империалистами или с рабочими? Тень Антанты стояла над съездом. Вопрос о наступлении был предreshен, демократам оставалось только склониться.

"В этот критический момент, -- поучал Церетели, -- ни одна общественная сила не должна сбрасываться с весов до тех пор, пока ее можно использовать для народного дела". Таково было обоснование коалиции с буржуазией. Так как пролетариат, армия и крестьянство на каждом шагу нарушали планы демократов, то приходилось открывать войну против народа под видом войны против большевиков. Так, Церетели предавал отлучению кронштадтских матросов, чтобы не сбрасывать со своих весов кадета Пепеляева. Коалиция была одобрена большинством в 543 голоса против 126 при 52 воздержавшихся.

Работы огромного и рыхлого собрания в Кадетском корпусе отличались размахистостью в области деклараций и консервативной скарелдностью в отношении практических задач. Это налагало на все решения печать безнадежности и лицемерия. Съезд признал за всеми нациями России право на самоопределение, но ключ от этого проблематического права вручил не самим угнетенным нациям, а будущему Учредительному собранию, в котором соглашатели надеялись быть в большинстве и собирались также капитулировать перед империалистами, как они это делали в правительстве.

Съезд отказался провести декрет о 8-часовом рабочем дне. Церетели объяснял топтанье коалиции на месте трудностью согласования интересов различных слоев населения. Как будто хоть одно великое дело в истории совершалось путем "согласования интересов", а не путем победы прогрессивных интересов над реакционными!

Громан, советский экономист, внес под конец свою неизбежную резолюцию: о надвинувшейся экономической катастрофе и о необходимости государственного регулирования. Съезд принял эту ритуальную резолюцию, но только для того, чтобы все осталось по-старому.

"Гримма выслали, -- писал Троцкий 7 июня, -- съезд перешел к порядку дня. Но капиталистическая прибыль по-прежнему неприкосновенна для Скобелева и его коллег. Продовольственный кризис обостряется с каждым часом. В дипломатической области правительство получает удар за ударом. Наконец, столь истерически провозглашавшееся наступление готовится, по-видимому, вскоре обрушиться на народ чудовищной авантюрой".

"Мы терпеливы и готовы были бы еще спокойно наблюдать просвещенную деятельность министерства Львова -- Терещенко -- Церетели

в течение ряда месяцев. Нам нужно время -- для нашей подготовки. Но подземный крот роет слишком быстро. И при содействии "социалистических" министров проблема власти может обрушиться на участников этого съезда гораздо скорее, чем мы все это предполагаем".

Стараясь прикрыться от масс более высоким авторитетом, вожди вовлекали съезд во все текущие конфликты, безжалостно компрометируя его в глазах петроградских рабочих и солдат. Наиболее громким эпизодом такого рода была история с дачей Дурново, старого царского сановника, который в качестве министра внутренних дел прославился разгромом революции 1905 года. Пустующая дача ненавистного бюрократа, к тому же нечистого на руку, была захвачена рабочими организациями Выборгской стороны, главным образом, из-за огромного сада, который стал излюбленным местом гулянья детей. Буржуазная печать изображала дачу как приют погромщиков и налетчиков, как Кронштадт Выборгской стороны. Никто не дал себе труда проверить, как обстоит дело в действительности. Правительство, тщательно обходившее все большие вопросы, со свежей страстью принялось за спасение дачи. От Исполнительного комитета потребовали санкции героических мероприятий, и Церетели, разумеется, не отказал. Прокурор отдал приказ выселить с дачи группу анархистов в 24 часа. Узнав о подготовляющихся военных действиях, рабочие забили тревогу. Анархисты, с своей стороны, угрожали вооруженным отпором. 28 заводов объявили стачку протеста. Исполком выпустил воззвание, обличавшее выборгских рабочих как помощников контрреволюции. После такой подготовки представители юстиции и милиции проникли в львиную пещеру. Выяснилось, однако, что на даче, давшей приют ряду просветительных рабочих организаций, царит полный порядок. Пришлось отступить, и не без сраму. История эта имела, однако, дальнейшее развитие.

9 июня на съезде взорвалась бомба: в утренней "Правде" был напечатан призыв к демонстрации на завтрашний день. Чхеидзе, который умел пугаться и склонен был поэтому пугать других, заявил гробовым голосом: "Если съездом не будут приняты меры, завтрашний день будет роковым". Делегаты в тревоге подняли головы.

Мысль о том, чтобы свести петроградских рабочих и солдат на очную ставку со съездом, навязывалась всей обстановкой. Массы напирали на большевиков. Особенно бурлил гарнизон, опасавшийся, что в связи с наступлением его раздергают по частям и расшвыряют по фронтам. К этому присоединилось острое недовольство "Декларацией прав солдата", которая делала большой шаг назад по сравнению с "приказом № 1" и с фактически установившимся режимом в армии. Инициатива демонстрации исходила от Военной организации большевиков. Руководители ее утверждали, и вполне основательно, как показали события, что если партия не возьмет на себя руководство, то солдаты сами выйдут на улицу. Крутой перелом массовых настроений не поддавался, однако, учету на ходу, и это порождало известные колебания в среде самих большевиков. Володарский не был уверен, выйдут ли на улицу рабочие. Были опасения и насчет характера, какой примет

демонстрация. Представители Военной организации утверждали, что солдаты, опасаясь нападения и расправы, без оружия не выступят. "Во что выльется эта демонстрация?" -- спрашивал осторожный Томский и требовал дополнительного обсуждения. Сталин считал, что "брожение среди солдат -- факт; среди рабочих такого определенного настроения нет", но находил все же, что необходимо дать правительству отпор. Калинин, всегда более склонный уклониться от боя, чем принять его, высказался решительно против демонстрации, ссылаясь на отсутствие яркого повода, особенно у рабочих: "Демонстрация будет только надуманная". 8 июня на совещании с представителями районов после ряда предварительных голосований 131 рука поднялась в конце концов за демонстрацию, против 6 при 22 воздержавшихся. Демонстрация была назначена на воскресенье, 10 июня.

Подготовительная работа велась до последнего момента втайне, чтобы не дать эсерам и меньшевикам возможности начать контрагитацию. Эта законная мера предосторожности была позже истолкована как доказательство военного заговора. К решению организовать демонстрацию присоединился Центральный совет фабрично-заводских комитетов. "Под давлением Троцкого против возражавшего Луначарского, -- пишет Югов, -- комитет межрайонцев решил присоединиться к демонстрации". Подготовка велась с кипучей энергией.

Манифестация должна была поднять знамя власти советов. Боевой лозунг гласил: "Долой десять министров-капиталистов". Это было наиболее простое выражение требования разрыва коалиции с буржуазией. Шествие должно было направляться к кадетскому корпусу, где помещался съезд. Этим подчеркивалось, что дело идет не о низвержении правительства, а о давлении на советских вождей.

Правда, на предварительных совещаниях большевиков раздавались и другие голоса. Так, Смилга, молодой тогда член Центрального Комитета, предлагал "не отказываться от захвата почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения". Другой из участников совещания, член Петроградского комитета Лацис, записал в своем дневнике по поводу отклонения предложения Смилги: "Я с этим примириться не могу... сговорюсь с товарищем Семашко и Рахья, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсеналы, банки, почту и телеграф, опираясь на пулеметный полк". Семашко -- офицер пулеметного полка, Рахья -- рабочий, один из боевых большевиков.

Наличность таких настроений понятна сама собой. Весь курс партии шел на завоевание власти, и вопрос был лишь в оценке обстановки. В Петрограде происходил явный перелом в пользу большевиков; но в провинции тот же процесс шел медленнее; наконец, фронт еще нуждался в уроке наступления, чтобы стряхнуть с себя недоверие к большевикам. Ленин стоял поэтому на апрельской позиции: "терпеливо разъяснять".

Суханов в своих записках изображает план демонстрации 10 июня как прямой замысел Ленина захватить власть "при благоприятной обстановке". На самом деле так пробовали ставить вопрос лишь отдельные большевики,

забавшие, по насмешливому выражению Ленина, "чутью левее", чем полагалось. Станным образом Суханов даже не пытается сопоставить свои произвольные догадки с политической линией Ленина, выраженной в многочисленных речах и статьях<<Подробнее об этом вопросе в приложении № 3.>>

Бюро Исполнительного комитета немедленно предъявило большевикам требование: отменить демонстрацию. На каком основании? Формально запретить демонстрацию могла, очевидно, лишь государственная власть. Но она и думать об этом не смела. Каким же образом Совет, являвшийся "частной организацией", руководимой блоком двух политических партий, мог запретить демонстрацию третьей партии? Центральный Комитет большевиков отказался выполнить требование, но решил еще резче подчеркнуть мирный характер демонстрации. В рабочих кварталах 9 июня была расклеена прокламация большевиков: "Мы -- свободные граждане, мы имеем право протестовать, и мы должны воспользоваться этим своим правом, пока не поздно. Право мирной демонстрации остается за нами".

Вопрос был перенесен соглашателями на съезд. В этот момент Чхеидзе и произнес свои слова о роковом исходе и о том, что придется заседать всю ночь.

Член президиума, Гегечкори, тоже один из сынов Жиронды, закончил свою речь грубым выкриком по адресу большевиков: "Прочь ваши грязные руки от великого дела!" Большевикам, несмотря на их требование, не дали времени обсудить вопрос во фракционном порядке. Съезд вынес постановление, запрещающее на три дня всякие демонстрации. Акт насилия по отношению к большевикам, это был в то же время акт узурпации по отношению к правительству: советы продолжали воровать власть у себя из-под подушки.

Милюков выступал в эти часы на казачьем съезде и называл большевиков "главными врагами русской революции". Главным другом ее стал, логикой вещей, сам Милюков, который накануне февраля соглашался скорее принять поражение от немцев, чем революцию от русского народа. На вопрос казаков об отношении к ленинцам Милюков ответил: "Пора с этими господами покончить". Вождь буржуазии слишком торопился. Впрочем, ему действительно нельзя было терять времени.

Тем временем по заводам и полкам шли митинги, постановлявшие выступить завтра на улицы под лозунгом "Вся власть советам". Под шум советского и казачьего съездов прошел незамеченным тот факт, что в Выборгскую районную думу выбрано от большевиков 37 гласных, от блока эсеров и меньшевиков -- 22, от кадетов -- 4.

Поставленные перед категорическим постановлением съезда, притом с таинственной ссылкой на угрожающий удар справа, большевики решили пересмотреть вопрос. Они хотели мирной демонстрации, а не восстания, и у них не могло быть оснований превращать в полувосстание запрещенную демонстрацию. Президиум съезда решил с своей стороны принять меры. Несколько сот делегатов были сгруппированы десятками и направлены в

рабочие кварталы и в казармы для предотвращения демонстрации, с тем чтобы к утру явиться в Таврический дворец для подведения итогов. Исполнительный комитет крестьянских депутатов присоединился к этой экспедиции, выделив для нее с своей стороны 70 человек.

Хоть и неожиданными путями, но большевики достигли все же своего: делегаты съезда оказались вынуждены свести знакомство с рабочими и солдатами столицы. Горе не дали придвинуться к пророкам, зато пророкам пришлось приблизиться к горе. Встреча вышла в высшей степени поучительной. В "Известиях" Московского Совета корреспондент-меньшевик рисует такую картину: "Целую ночь напролет большинство съезда, свыше 500 членов его, не смыкали глаз, разбившись на десятки, расходились по фабрикам и заводам и воинским частям Петрограда, призывая к воздержанию от демонстрации... Съезд в значительной части фабрик и заводов, а также некоторой части гарнизона авторитетом не пользуется... Членов съезда встречали очень часто далеко не дружелюбно, порой враждебно, и нередко провожали злобно". Официальный советский орган отнюдь не преувеличивает; наоборот, он дает крайне смягченную картину ночной встречи двух миров.

Петроградские массы, во всяком случае, не оставили у делегатов никаких сомнений насчет того, кто может отныне назначить демонстрацию и отменить ее. Рабочие Путиловского завода согласились расклеить воззвание съезда против демонстрации лишь после того, как убедились из "Правды", что оно не противоречит постановлению большевиков. Первый пулеметный полк, игравший в гарнизоне первую скрипку, как и Путиловский завод -- в рабочей среде, вынес, после докладов Чхеидзе и Авксентьева, председателей двух исполнительных комитетов, следующую резолюцию: "В согласии с ЦК большевиков и Военной организацией, полк откладывает свое выступление..."

Бригады усмирителей прибывали после бессонной ночи в Таврический дворец в состоянии полной деморализации. Они рассчитывали на то, что авторитет съезда непрекаем, но наткнулись на стену недоверия и враждебности. "В массах засилье большевиков". "К меньшевикам и эсерам отношение враждебное". "Верят только "Правде". Кое-где кричат: "Мы вам не товарищи". Один за другим делегаты докладывали, как, несмотря на отмену боя, они потерпели тяжчайшее поражение.

Массы подчинились решению большевиков. Но подчинение происходило отнюдь не без протестов и даже возмущения. На некоторых предприятиях выносились резолюции порицания Центральному Комитету. Наиболее горячие члены партии в районах рвали свои партийные билеты. Это было серьезное предупреждение.

Запрещение демонстрации на три дня соглашатели мотивировали ссылкой на монархический заговор, который хочет уцепиться за выступление большевиков; упоминали о причастности к этому части казачьего съезда и о приближении к Петрограду контрреволюционных частей. Немудрено, если после отмены демонстрации большевики потребовали разъяснений

относительно заговора. Вместо ответа вожди съезда обвинили в заговоре самих большевиков. Так счастливо был найден выход из положения.

Нужно признать, что в ночь на 10 июня соглашатели действительно открыли заговор, который сильно потряс их: заговор масс с большевиками против соглашателей. Однако подчинение большевиков постановлению съезда ободрило соглашателей и позволило их панике превратиться в бешенство. Меньшевики и эсеры решили проявить железную энергию. 10 июня газета меньшевиков писала: "Пора заклеить ленинцев изменниками и предателями революции". Председатель Исполнительного комитета выступал на казачьем съезде и просил казаков поддержать Совет против большевиков. Ему отвечал председатель, уральский атаман Дутов: "Мы, казаки, с Советом никогда врозь не пойдем". Против большевиков реакционеры готовы были идти даже и с Советом, чтобы затем тем вернее задушить его.

11 июня собирается грозное судилище: Исполнительный комитет, члены президиума съезда, руководители фракций, всего около 100 человек. Прокурором выступает, как всегда, Церетели. Задыхаясь от бешенства, он требует суровой расправы и презрительно отмахивается от Дана, который всегда готов травить большевиков, но еще не решается громить их. "То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это заговор... Пусть же извинят нас большевики. Теперь мы перейдем к другим методам борьбы... *Большевиков надо обезоружить.* Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметы и оружие. Заговоров мы не допустим". Это новые ноты. Что, собственно, значит разоружить большевиков? Суханов по этому поводу пишет: "Ведь никаких особых складов оружия у большевиков нет. Ведь все оружие -- у солдат и рабочих, которые в огромной массе идут за большевиками. Разоружение большевиков может означать только разоружение пролетариата. Мало того -- это разоружение войск".

Надвинулся, другими словами, классический момент революции, когда буржуазная демократия, по требованию реакции, хочет разоружить рабочих, обеспечивших победу переворота. Господа демократы, среди которых есть начитанные люди, неизменно отдавали свои симпатии разоружаемым, а не разоружителям, поскольку дело шло о старых книгах. Но когда тот же вопрос предстал пред ними в действительности, они не узнали его. Одно то обстоятельство, что разоружить рабочих брался Церетели, революционер, годы проведенный на каторге, вчерашний циммервальдец, не так просто укладывалось в голове. Зал застыл в оцепенении. Провинциальные делегаты почувствовали все же, по-видимому, что их толкают в пропасть. Один из офицеров забился в истерику.

Не менее бледный, чем Церетели, Каменев поднимается с места и восклицает с достоинством, силу которого чувствует аудитория: "Господин министр, если вы не бросаете слова на ветер, вы не имеете права ограничиваться речью. Арестуйте меня и судите за заговор против революции". Большевики с протестом покидают заседание, отказываясь

участвовать в издевательствах над собственной партией. Напряжение в зале становится невыносимым.

На помощь Церетели спешит Либер. Сдерживаемое бешенство сменяется на трибуне истерическим неистовством. Либер требует беспощадных мер: "Если вы хотите получить массу, которая идет к большевикам, то рвите с большевизмом". Но его слушают без сочувствия, даже полу враждебно.

Впечатлительный, как всегда, Луначарский немедленно же пытается найти общий язык с большинством: хотя большевики уверяли его, что они имели в виду только мирную демонстрацию, тем не менее его собственный опыт убедил его в том, что "ошибочно было устраивать демонстрацию". Однако не надо обострять конфликтов. Не успокаивая противников, Луначарский раздражает друзей.

"Мы не боремся с левым течением, -- иезуитствует Дан, наиболее опытный, но и наиболее бесплодный из вождей болота, -- мы боремся с контрреволюцией. Не наша вина, если за вашими плечами стоят прихвостни Германии". Ссылка на немцев попросту заменяла аргументацию. Никаких прихвостней Германии эти господа, разумеется, указать не могли. Церетели хотел нанести удар. Дан предлагал ограничиться занесением руки. В своей беспомощности Исполнительный комитет примкнул к Дану. Резолюция, предложенная на другой день съезду, имела характер исключительного закона против большевиков, но без непосредственных практических выводов.

"Для вас, после посещения вашими делегатами заводов и полков, -- гласило письменное заявление большевиков съезду, -- не может быть сомнения в том, что если демонстрация не состоялась, то не вследствие вашего запрета, а вследствие отмены ее нашей партией... Фикция военного заговора выдвинута членом Временного правительства для того, чтобы провести обезоружение петроградского пролетариата и раскассирование петроградского гарнизона... Если бы даже государственная власть целиком перешла в руки Совета, -- а мы на этом стоим -- и Совет попытался бы наложить оковы на нашу агитацию, это могло бы заставить нас не пассивно подчиниться, а пойти навстречу тюремным и иным карам во имя идей интернационального социализма, которые нас отделяют от вас".

Советское большинство и советское меньшинство сошлись в эти дни грудь с грудью, как бы для решающего боя. Но обе стороны в последний момент сделали шаг назад. Большевики отказались от демонстрации. Соглашатели отказались от разоружения рабочих.

Церетели остался среди своих в меньшинстве. А между тем он был по своему прав. Политика союза с буржуазией подошла к тому пункту, когда стало необходимым обессилить массы, не мирившиеся с коалицией. Довести соглашательскую политику до благополучного конца, т. е. до установления парламентского господства буржуазии, можно было не иначе как разоружением рабочих и солдат. Но Церетели был не только прав. Он был сверх того еще и бессилен. Ни рабочие, ни солдаты не сдали бы добровольно

оружия. Значит, нужно было применить против них силу. Но силы у Церетели уже не было. Он мог ее получить, если вообще мог, только из рук реакции, которая, в случае успешного разгрома большевиков, приступила бы немедленно к разгрому соглашательских советов и не преминула бы напомнить Церетели, что он лишь бывший каторжник, и ничто более. Однако дальнейший ход вещей покажет, что таких сил не было и у реакции.

Необходимость борьбы против большевиков Церетели политически обосновывал тем, что они отрывают пролетариат от крестьянства. Мартов возразил ему: "не из недр крестьянства" черпает Церетели свои руководящие идеи. "Группа правых кадетов, группа капиталистов, группа помещиков, группа империалистов, буржуа Запада" -- вот кто требует разоружения рабочих и солдат. Мартов был прав: имущие классы не раз в истории прятали свои притязания за спиной крестьянства.

С момента опубликования апрельских тезисов Ленина ссылка на опасность изоляции пролетариата от крестьянства стала главным аргументом всех тех, которые тянули революцию назад. Не случайно Ленин сближал Церетели со "старыми большевиками".

В одной из работ 1917 года Троцкий писал по этому поводу: "Изоляция нашей партии от эсеров и меньшевиков, даже самая крайняя, даже путем одиночных камер, еще ни в коем случае не означает изоляции пролетариата от угнетенных крестьянских и городских масс. Наоборот, резкое противопоставление политики революционного пролетариата вероломному отступничеству нынешних советских вождей только и может внести спасительную политическую дифференциацию в крестьянские миллионы, вырвать деревенскую бедноту из-под предательского руководства крепких эсеровских мужичков и превратить социалистический пролетариат в подлинного вождя народной, плебейской революции".

Но фальшивый насквозь довод Церетели оказался живуч. Накануне октябрьского переворота он возродился с удвоенной силой, как довод многих "старых большевиков" против переворота. Через несколько лет, когда началась идейная реакция против Октября, формула Церетели стала главным теоретическим оружием школы эпигонов.

* * *

На том же заседании съезда, которое судило большевиков в их отсутствие, представитель меньшевиков неожиданно предложил назначить на ближайшее воскресенье, 18 июня, в Петрограде и в важнейших городах манифестацию рабочих и солдат, чтобы показать врагам единство и силу демократии. Предложение было принято, хотя и не без недоумения. Месяц с лишним спустя Милюков довольно основательно объяснял неожиданный поворот соглашателей: "Произнеся кадетские речи на съезде советов, расстроивши вооруженную демонстрацию 10 июня... министры-социалисты почувствовали, что они зашли слишком далеко в приближении к нам, что почва у них уходит из-под ног. Они испугались и круто повернули в сторону большевиков". Решение о демонстрации 18 июня было, разумеется, не поворотом в сторону большевиков, а попыткой поворота в сторону масс

против большевиков. Ночная очная ставка с рабочими и солдатами вообще произвела некоторую встряску на советской верхушке: так, вразрез с тем, что предполагалось в начале съезда, спешно издано было, от имени правительства, постановление об упразднении Государственной думы и о созыве Учредительного собрания на 30 сентября. Лозунги демонстрации выбраны были с таким расчетом, чтобы не вызывать раздражения масс: "Всеобщий мир", "Скорейший созыв Учредительного собрания", "Демократическая республика". О наступлении, как и о коалиции, -- ни слова. Ленин спрашивал в "Правде": "А куда же девалось полное доверие Временному правительству, господа?.. почему прилипает у вас язык к гортани?" Эта ирония была в цель: соглашатели не посмели потребовать от масс доверия тому правительству, в состав которого они входили.

Советские делегаты, вторично объезжавшие рабочие кварталы и казармы, делали накануне демонстрации вполне обнадеживающие доклады в Исполнительном комитете. Церетели, которому эти сообщения вернули равновесие и склонность к самодовольным поучениям, обратился к большевикам: "Вот теперь перед нами открытый и честный смотр революционных сил... Теперь мы все увидим, за кем идет большинство: за вами или за нами". Большевики приняли вызов еще прежде, чем он был так неосторожно формулирован. "Мы пойдем на демонстрацию 18 числа, -- писала "Правда", -- для того, чтобы бороться за те цели, которые мы хотели продемонстрировать 10 числа".

Очевидно, по воспоминаниям о мартовской похоронной процессии, которая, по крайней мере по внешности, являлась величайшей манифестацией единства демократии, маршрут и на этот раз вел на Марсово поле, к могилам февральских жертв. Но, кроме маршрута, ничто более не напоминало далекие дни марта. В шествии участвовало около 400 тысяч человек, т. е. значительно меньше, чем на похоронах: на этой советской демонстрации отсутствовала не только буржуазия, с которой советы состояли в коалиции, но и радикальная интеллигенция, занимавшая такое видное место в прежних парадах демократии. Шли почти только заводы и казармы.

Делегаты съезда, собравшиеся на Марсовом поле, читали и считали плакаты. Первые большевистские лозунги были встречены полушутливо. Ведь Церетели накануне так уверенно бросал свой вызов. Но те же лозунги повторялись снова и снова: "Долой 10 министров-капиталистов", "Долой наступление", "Вся власть советам". Улыбка иронии застывала на лицах и затем медленно сползала с них. Большевистские знамена плыли без конца. Делегаты бросили неблагодарные подсчеты. Победа большевиков была слишком очевидна. "Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прорывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе". Советский официоз рассказывал на другой день о том, с какой "злостью рвали то там, то здесь знамена с лозунгами доверия Временному правительству". В этих словах явный элемент преувеличения. Плакаты в честь Временного правительства вынесли лишь три небольшие группы: кружок Плеханова, казачья часть и кучка

еврейской интеллигенции, примыкавшей к Бунду. Эта тройственная комбинация, производившая своим составом впечатление политического курьеза, как бы задалась целью выставить напоказ бессилие режима. Плехановцам и Бунду пришлось под враждебные крики толпы свернуть плакаты. У казаков же, проявивших упорство, знамя было действительно вырвано демонстрантами и уничтожено.

"Катившийся до сих пор поток, -- описывают "Известия, -- превратился в полноводную широкую реку, которая вот-вот выльется из берегов". Это Выборгский район, весь под большевистскими знаменами. "Долой десять министров-капиталистов". Один из заводов вынес плакат: "Право на жизнь выше права частной собственности". Этот лозунг не был подсказан партией.

Пришибленные провинциалы искали глазами вождей. Те прятали глаза или просто скрывались. Большевики нажимали на провинциалов. Разве это похоже на кучку заговорщиков? Делегаты соглашались, что не похоже. "В Петрограде вы -- сила, -- признавали они совсем иным тоном, чем на официальном заседании, -- но не то в провинции и на фронте. Петроград не может идти против всей страны". Погодите, отвечали им большевики, скоро придет и ваша очередь, поднимут и у вас те же плакаты.

"Во время этой демонстрации, -- писал старик Плеханов, -- я стоял на Марсовом поле, рядом с Чхеидзе. По его лицу я видел, что он несколько не обманывал себя насчет того, какое значение имело поразительное обилие плакатов, требовавших низвержения капиталистических министров. Значение это, как нарочно подчеркнуто было поистине начальническими приказами, с которыми обращались к нему некоторые представители ленинцев, проходивших мимо нас настоящими именинниками".

У большевиков, во всяком случае, были основания для такого самочувствия. "Судя по плакатам и лозунгам манифестантов, -- писала газета Горького, -- воскресная демонстрация обнаружила полное торжество большевизма в среде петербургского пролетариата". Это была большая победа, притом одержанная на той арене и тем оружием, какие выбрал противник. Одоблив наступление, признав коалицию и осудив большевиков, советский съезд по собственной инициативе вызвал на улицу массы. Они заявили ему: не хотим ни наступления, ни коалиции, мы -- за большевиков. Таков был политический итог демонстрации. Мудрено ли, если газета меньшевиков, инициаторов демонстрации, меланхолически спрашивала на другой день: кому пришла в голову эта злосчастная мысль?

Конечно, не все рабочие и солдаты столицы участвовали в демонстрации и не все демонстранты были большевиками. Но никто из них уже не хотел коалиции. Те рабочие, которые оставались еще враждебны большевизму, не знали, что противопоставить ему. Этим самым их враждебность превращалась в выжидательный нейтралитет. Под большевистскими лозунгами шло немало меньшевиков и эсеров, которые еще не порвали со своими партиями, но уже потеряли веру в их лозунги.

Демонстрация 18 июня произвела огромное впечатление на самих ее участников. Массы увидели, что большевизм стал силой, и колеблющиеся

потянулись к нему. В Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославе и во многих других провинциальных городах демонстрации обнаружили огромный рост влияния большевиков. Везде выдвигались одни и те же лозунги, и они били в самое сердце февральского режима. Надо было делать выводы. Казалось, что соглашателям некуда податься. Но в последний момент помогло наступление.

19 июня происходили на Невском патриотические манифестации, под руководством кадетов и с портретами Керенского. По словам Милюкова, "это так было не похоже на все то, что происходило на тех же улицах накануне, что к чувству торжества невольно примешивалось чувство недоверия". Законное чувство! Но соглашатели вздохнули с облегчением. Их мысль немедленно же поднялась над обеими демонстрациями в качестве демократического синтеза. Чашу иллюзий и унижений этим людям суждено было допить до дна.

В апрельские дни две демонстрации, революционная и патриотическая, вышли навстречу друг другу, и их столкновение тут же повлекло за собой жертвы. Враждебные демонстрации 18 и 19 июня прошли одна вслед за другой. До непосредственного столкновения на этот раз не дошло. Но избежать его уже нельзя было. Оно оказалось лишь на две недели отодвинуто.

Анархисты, не знавшие, как проявить свою самостоятельность, воспользовались демонстрацией 18 июня для нападения на Выборгскую тюрьму. Арестованные, в большинстве своем уголовные, были без боя и жертв освобождены, притом не из одной, а сразу из нескольких тюрем. Повидимому, нападение не застигло администрацию врасплох, и она охотно пошла навстречу действительным и мнимым анархистам. Весь этот загадочный эпизод не имел никакого отношения к демонстрации. Но патриотическая печать связала их воедино. Большевики предложили на съезде советов строго расследовать, каким образом 460 уголовных оказались выпущены из разных тюрем. Однако соглашатели не могли позволить себе такой роскоши, ибо опасались наткнуться на представителей высшей администрации и союзников по блоку. Кроме того, у них не было никакого желания защищать ими же устроенную демонстрацию от злостных клевет.

Министр юстиции Переверзев, осрамившийся несколько дней перед тем с дачей Дурново, решил взять реванш и под предлогом розыска беглых арестантов произвел на дачу новый налет. Анархисты сопротивлялись, в перестрелке один из них был убит, дача подверглась разгрому. Рабочие Выборгской стороны, считавшие дачу своей, подняли тревогу. Некоторые заводы приостановили работу. Тревога перекинулась на другие районы, также и на казармы.

Последние дни июня проходят в непрерывном кипении. Пулеметный полк готов к немедленному выступлению против Временного правительства. Рабочие забастовавших заводов обходят полки с призывом на улицу. Бородатые крестьяне в солдатских шинелях, многие с проседью, тянутся протестующими процессиями по мостовым: это сорокалетние требуют,

чтобы их отпустили на полевые работы. Большевики ведут агитацию против выступления: демонстрация 18 июня сказала все, что можно было сказать; чтобы добиться перемен, демонстрации мало, а час переворота еще не пробил. 22 июня большевики печатно обращаются к гарнизону: "Не верьте никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной организации". С фронта прибывают делегаты с жалобами на насилия и кары. Угрозы расформировать непокорные части подливают масла в огонь. "Во многих полках солдаты спят с оружием в руках", -- говорится в заявлении большевиков Исполнительному комитету. Патриотические манифестации, часто вооруженные, приводят к уличным столкновениям. Это мелкие разряды скопившегося электричества. Ни одна из сторон прямо не собирается наступать: реакция слишком слаба; революция еще не вполне уверена в своих силах. Но улицы города кажутся вымощены взрывчатыми веществами. Столкновение висит в воздухе. Большевистская печать разьясняет и сдерживает. Патриотическая печать выдает свою тревогу необузданной травлей большевиков. 25 июня Ленин пишет: "Всеобщий дикий вой злобы и бешенства против большевиков есть общая жалоба кадетов, эсеров и меньшевиков на свою собственную расхлябанность. Они в большинстве. Они у власти. Они все в блоке друг с другом. И они видят, что -- у них ничего не выходит! Как же не злобствовать на большевиков".